

***

001

Мо Юйсянь уткнулся лицом в шею Бая, щекоча его кожу мягкими, пушистыми волосами. Бай Чжоуи, ощущая это робкое движение, прижал мужа к себе еще крепче, не давая ему шевелиться.

— Хватит терзать себя мыслями, — прошептал он, упираясь подбородком в макушку Юйсяня.
— Спи. Завтра нас ждет новый этап лечения.

Юйсянь ничего не ответил, но пальцы его, судорожно вцепившиеся в одежду Бая, так и не разжались. Бай позволил ему это безмолвное объятие. Ночь уже полностью вступила в свои права, и вскоре, убаюканный тишиной, Бай Чжоуи погрузился в сон.

Наутро Юйсянь едва держался на ногах. Бай вывел его из дома, поддерживая под локоть. Юйсянь пытался идти сам, не желая тревожить дедушку своей немощью, но стоило Баю ослабить хватку, как он начинал заваливаться — силы окончательно покинули его тело. Увидев внука в таком состоянии, старый мастер Гэ помрачнел и за весь завтрак не проронил ни слова.

Закончив трапезу, Бай Чжоуи не спешил везти Юйсяня к мастеру Цзоу. Выйдя во двор, он сделал два звонка: сначала Е Сяоцину, затем Хуану Цихэну. Он слишком хорошо знал характер Сунь Минляна. Тот, понимая, что лечение Юйсяня близится к завершению, не мог просто сидеть сложа руки.

Спустя полчаса они выехали. Воздух раннего летнего утра был свеж и бодрящ; Бай приоткрыл окно, впуская в салон прохладу. Мо Юйсянь, дремавший у стекла, открыл глаза, и складка между его бровей разгладилась. Он придвинулся ближе к узкой щели, подставляя лицо ветру, и с удовольствием прищурился.

— Не прижимайся так близко, — предостерег Бай, — просквозит. Ты сейчас слишком слаб.

— Не просквозит...

Бай хотел было возразить, но в этот момент из бокового переулка на них на полной скорости вылетела машина. Водитель явно целил прямо в них, не оставляя пространства для маневра.

Бай Чжоуи, привыкший к безумным гонкам по городским тупикам во время охоты на мутировавших зверей, среагировал мгновенно. Вместо того чтобы тормозить, он утопил педаль газа в пол.

— Держись!

Раздался оглушительный удар. Преследователь врезался в багажник их внедорожника. От мощного толчка у Бая на миг потемнело в глазах, машину по инерции отбросило в сторону, и она скрежетнула боком о другой автомобиль.

Как только тряска прекратилась, Бай первым делом обернулся к Юйсяню:

— Ты цел?

Основной удар пришелся на сторону пассажира, оба боковых стекла разлетелись в пыль. Мо Юйсянь, и без того бледный, теперь казался белее полотна, но видимых ран на нем не было.

— Сиди внутри, не выходи, — приказал Бай, убедившись, что муж в безопасности.

Он тут же призвал своего духовного зверя. Поток машин на их стороне замер, люди начали выходить из кабин, озираясь по сторонам. Машине нападавших досталось куда больше: из-за резкого ускорения Бая они лишь зацепили его хвост и, пролетев еще несколько метров по инерции, впечатались в бетонный цветочный вазон. Весь перед внедорожника превратился в груды искореженного металла.

— Да как ты водишь, придурок?! — заорал водитель машины, которую зацепил Бай, но, оценив ситуацию и увидев разбитый в щепки перед другой машины, переключил свой гнев на истинного виновника.

— Простите... — Водитель-неудачник, мужчина лет сорока, сжимал травмированную руку. Лицо его выражало смесь ужаса и странного облегчения.

— Простите?! Ты мне машину разворотил!

— Я всё возьму... всё до копейки... — бормотал мужчина, не поднимая глаз.

Бай Чжоуи внимательно наблюдал за этой сценой. Убедившись, что виновник признает вину и готов платить, он набрал номер, возвращаясь в салон. Юйсянь уже пришел в себя и тянулся к ручке двери.

— Оставайся в машине, — отрезал Бай.

В трубке раздалась гудка, затем голос:

— Как у вас? Дедушка в порядке?

Юйсянь вздрогнул и выпрямился, жадно вслушиваясь.

— Хорошо. Будьте осторожны, — Бай отдал еще несколько кратких указаний, после чего позвонил Е Сяоцину, прося его разобраться с аварией.

Е Сяоцин прибыл меньше чем за десять минут. Бай вкратце объяснил ситуацию и, оставив напарника разбираться с дорожной полицией, пересадил Юйсяня в машину Е и уехал.

— Эта авария... — голос Юйсяня дрожал от напряжения.

— Намеренно, — не стал скрывать Бай.

— А дедушка?..

— С ним всё в порядке, не волнуйся, — успокоил его Бай.

После вчерашнего визита Сунь Минляна он ожидал чего-то подобного и заранее распределил людей Е Сяоцина и Хуана Цихэна. Но он и подумать не мог, что лорд Сунь пойдет на такую глупую и грубую провокацию.

Юйсянь замолчал. Ему хотелось немедленно вернуться и убедиться в безопасности деда, но он заставил себя промолчать. Бай не допустил бы беды. Сейчас его единственной задачей было завершить лечение и вернуть своего зверя. Пока он слаб, Сунь Минлян будет продолжать топтать их жизни, а он сможет лишь беспомощно наблюдать.

Вскоре они добрались до дома Цзоу. Бай на руках отнес мужа в лечебную палату, где их уже ждал старый мастер.

***

Резиденция семьи Сунь.

Сунь Минлян с самого утра заперся в кабинете. Он не находил себе места, то и дело поглядывая на телефон в ожидании звонка, но тот предательски молчал. Несколько раз он порывался позвонить сам, но страх выдать себя останавливал его. Лишь к полудню, когда он уже собрался уходить на обед, раздался долгожданный сигнал.

— Ну?! — не дожидаясь приветствий, выдохнул он.

— Увернулся... Мы ждали на пути к Цзоу, всё было просчитано, но он внезапно ускорился в момент удара... — голос в трубке дрожал от страха. Исполнитель слишком хорошо знал нрав

своего господина.

— Что?! — ярость Сунь Минляна вырвалась наружу. — Идиоты! Беспольные куски дерьма! Одного мальчишку и бойца городской стражи убрать не в состоянии...

Он долго изливал желчь, пока исполнитель не рискнул вставить слово:

— Может... попробовать прямо у них дома?

Бай Чжоуи постоянно окружали люди из стражи, а в доме Цзоу охрана была еще серьезнее. Единственными местами для удара оставались дорога и их старый дом. Но нападение на резиденцию семьи Бай фактически означало бы чистосердечное признание в преступлении.

Сунь Минлян колебался. Горожане и так не слишком жаловали его семью после событий десятилетней давности; лишь годы кропотливого выстраивания репутации заставили людей замолчать. Если сейчас снова пойдут слухи...

— Лорд?

В памяти Сунь Минляна всплыли черные угли на месте лечебного покоя, которые он видел вчера.

Он помнил духовного зверя Мо Юйсяня. В мире, где правили звери физические, магические типы были величайшей редкостью, а те, что обладали такой разрушительной мощью, — и вовсе уникальны. В тот день, когда он впервые увидел его, он понял: будущий город семьи Мо будет принадлежать этому мальчишке. И это понимал весь город.

Торжествующие лица Мо до сих пор стояли у него перед глазами. Именно тогда он решил, что должен действовать. После того как мутировавшие звери прорвались в город, Мо, как он и рассчитывал, бросились в бой первыми и погибли. Юйсянь тоже должен был умереть в том хаосе, но он выжил.

Семилетний ребенок в одиночку истребил десятки мутировавших зверей S-ранга, буквально вырвав своего деда из лап смерти. Узнав об этом, Сунь Минлян понял: Юйсянь — угроза, которую нужно искоренить немедленно. Но сама судьба улыбнулась ему — Мо выжил, но его зверь перестал откликаться на зов.

Гэ Пиншань пострадал еще сильнее: его зверь погиб, а сам он лишился рассудка. Долгое время Сунь Минлян наслаждался, глядя, как эти двое превращаются в бесправных изгоев, выпрашивающих крохи со стола. Иногда он даже милостиво подавал им сам, теща свое самолюбие. Со временем это зрелище ему наскучило, и он почти забыл об их существовании.

А потом появился Бай Чжоуи. Это он дал Юйсяню деньги на лечение. Это он вытащил их из

забвения. И проклятая семья Цзоу, взявшаяся за этот безнадежный случай...

— Лорд? — исполнитель на другом конце провода напомнил о себе.

Сунь Минлян очнулся. Вспомнив выжженную землю в клинике, он принял решение:

— Действуйте. И не смейте возвращаться, если снова провалитесь.

— Понял.

Завершив звонок, Сунь Минлян выключил телефон и спрятал его в дальний ящик стола. Постояв немного в тишине, он вышел из кабинета.

Мо Юйсянь слабел с каждым часом. Если в первые дни он еще мог что-то съесть в обед, то сегодня он просто не пришел в сознание к полудню. Лицо мастера Цзоу было мрачнее тучи. Закончив осмотр, он повернулся к Баю:

— Осталось два дня. Больше его тело не выдержит.

Бай посмотрел на неподвижного мужа и кивнул:

— Я поговорю с ним.

Старик лишь тяжело вздохнул. Процесс шел гладко: от полной слепоты к первым искрам связи, а теперь Юйсянь находил своего зверя при каждой попытке. Но время... время было против них. У человеческого организма есть предел, и Мо подошел к нему вплотную. Дальнейшее насилие над телом могло привести к необратимым последствиям или даже смерти.

Лечение можно было продолжать только в сознании. Они ждали до трех часов дня, пока Юйсянь наконец не открыл глаза. После короткой передышки сеанс возобновился. После него Юйсянь не приходил в себя до глубокого вечера. Баю снова пришлось нести его в машину на руках.

***

На следующее утро, когда Бай проснулся, Юйсянь уже не спал. Он отрешенно разглядывал стены их комнаты в старой резиденции семьи Бай, на которых всё еще красовались иероглифы Цзы («Двойное счастье»).

— Голоден? — Бай тут же поднялся, собираясь заняться завтраком. Вчера Юйсянь почти ничего не ел.

— Нет, — Юйсянь с трудом сел в постели. Только в эти утренние часы он чувствовал в себе хоть какую-то искру жизни.

Помог мужу умыться, Бай принес еды. Юйсянь едва притронулся к пище; дедушка Гэ, которого привезли люди Е Сяоцина, тоже сидел без аппетита. Бай не пытался их утешать — слова были бессильны.

По дороге к мастеру Цзоу Бай заговорил о лечении:

— Если завтра ничего не изменится, мы прекратим. Это последний шанс.

Юйсянь промолчал, неподвижно глядя в окно.

— Твое тело не выдержит большего.

В ответ — та же тишина. Бай мягко коснулся его волос. Мо молчал всю дорогу до клиники. Старый Цзоу проверил его состояние и, убедившись, что сердце еще тянет, сделал инъекцию. На этот раз Юйсянь провалился в сон до самого вечера. Бай снова отвез его домой на руках.

Ночью, обтерев лицо и руки мужа прохладной водой, Бай лег рядом. Он боялся лишний раз коснуться Юйсяня, чтобы не причинить боли его измученному телу, и просто лежал рядом, охраняя его сон.

На следующий день, когда Бай открыл глаза, Юйсянь всё еще спал, свернувшись в крошечный комочек под одеялом. Это был последний день. Бай не мог заставить себя отступить на самом пороге и, скрепя сердце, снова отвез его к мастеру Цзоу.

Мо пришел в себя только к десяти утра, даже не осознав, что прошла целая ночь. Бай покормил его, перекинулся парой слов и отошел в сторону, уступая место лекару. После того как препарат был введен, Бай вместе со стариком вышел во двор.

Черное, холодное, напоенное яростью пламя вспыхнуло мгновенно, отрезая Юйсяня от остального мира. От невыносимой боли он скорчился на кровати. Глядя на это, Бай Чжоуи впервые за долгое время потерял свою неизменную улыбку.

В этот момент ожил его телефон. Звонил Е Сяоцин.

— Мы взяли их, — коротко сообщил напарник.

— Сейчас буду, — Бай бросил последний взгляд на Юйсяня и быстро направился к выходу.

Спустя десять минут он был в своем маленьком дворике рядом с Гильдией. Пятеро или шестеро мужчин со связанными руками были брошены на землю. Их окружали люди из стражи: Ли Ао, Е Сяоцин и другие. Хуан Цихэн тоже был здесь — он стоял в стороне, холодно наблюдая за происходящим.

Как только Бай вошел, все взгляды обратились к нему. После визита лорда Сунь Бай перевез мужа и деда в старую резиденцию семьи Бай, а в этом доме последние дни дежурили его товарищи.

— Что прикажешь с ними делать? — Е Сяоцин кивнул на пленных.

Бай окинул их взглядом. Пленники начали отчаянно извиваться, а их предводитель заголосил:

— Люди из городской стражи убивают! Помогите!..

— Заткнись, уши болят, — Ли Ао поморщился; они слушали эти вопли уже не первый раз.

Бай Чжоуи слегка приподнял уголок губ:

— Это Сунь Минлян вас прислал?

При упоминании этого имени пленные на миг замерли. Затем тот, что казался главным, выпалил:

— Не понимаю, о чем ты! Мы просто мимо проходили, а вы нас схватили ни за что! Психи!

— Мимо проходили? — Е Сяоцин презрительно усмехнулся. — Несколько дней крутились рядом, вчера ночью «мимоходом» пытались нас одурманить, а сегодня утром так же «случайно» ворвались в дом с оружием?

Поняв, что отпираться бессмысленно, мужчина сменил тактику:

— Мы просто хотели поживиться чем-то ценным! Все знают, что семья Бай богата!

Е Сяоцин хотел было возразить, но Бай Чжоуи перебил его:

— Убейте их.

Во дворе воцарилась гробовая тишина. Все в изумлении уставились на него. Бай посмотрел на Е Сяоцина и ослепительно, почти радостно улыбнулся:

— Только осторожнее. Увезите подальше, чтобы не осталось следов. На выезде из города тоже присмотритесь — лишние свидетели нам не нужны.

Е Сяоцин, привыкший подыгрывать Баю, уже открыл рот, чтобы продолжить спектакль, но, встретившись с его взглядом, невольно вздрогнул. В глазах Бая не было и тени тепла.

Бай Чжоуи был в ярости. За четыре года службы в страже никто и никогда не видел его разгневанным. Он всегда оставался само воплощение спокойствия. Но сейчас... сейчас он казался чужим и пугающим. Е Сяоцин кожей почувствовал: Бай не шутит. Он действительно готов их убить.

— Капитан... — Ли Ао тоже ощутил неладное. Он не рискнул подойти, как обычно, и лишь встревоженно наблюдал.

— Да вы что... шутите так? — предводитель банды побледнел.

За стенами города — бескрайние пустоши, кишачие монстрами. Сбрось их тела там — и никто никогда не найдет даже костей. Бай проигнорировал их мольбы, продолжая с улыбкой смотреть на товарищей:

— Ну? Чего застыли?

Парни переглянулись. Им никогда не приходилось убивать людей, и в их глазах читалась паника. Но еще больше их пугал этот ледяной оскал на лице Бая. Е Сяоцин сделал шаг вперед, остальные потянулись за ним.

Поняв, что их конец близок, нападавшие окончательно сломались:

— Что вам от нас нужно?! Мы всё скажем!

Бай Чжоуи продолжал лучезарно улыбаться. Пока он не давал команды «отставить», стражники послушно начали грузить людей в машины. Когда двери захлопнулись и двигатели взревели, Ли Ао посмотрел на Бая глазами, полными слез.

— Это Сунь Минлян! Он приказал! — выкрикнул наконец главарь.

Остальные, позеленев от страха, затараторили вслед:

— Он боится, что Мо Юйсянь выздоровеет и начнет мстить, решил ударить первым!

— Авария тоже его рук дело!

— У нас с тобой нет вражды, клянемся! Он угрожал нам, у нас не было выбора...

Машина уже тронулась с места.

— В городе наши семьи! Он сказал, что если мы откажемся, он их уничтожит! Он убьет их всех!

— Верните их, — улыбка Бая стала чуть менее жесткой, а холод в глазах начал рассеиваться. Он снова превратился в того самого добродушного капитана, которого они знали.

Ли Ао и остальные с облегчением начали парковаться обратно. Вытащив пленных из машин и бросив их на землю, стражники в ожидании уставились на Бая. Тот повернулся к Хуану Цихэну:

— Поможешь мне еще раз?

Хуан промолчал. Он понимал: Бай втягивает его по-крупному. Помочь сейчас — значит открыто выступить против лорда Сунь. Если с записями еще можно было отпираться, то теперь... Хуан медлил. Бай терпеливо ждал.

Спустя долгую минуту Хуан спросил:

— Что за помощь? В допросах я не силен.

— Допрашивать не нужно, — Бай указал на бледных пленных. — Помоги мне спрятать их и их семьи. Под твою защиту.

Все присутствующие опешили. Сунь Минлян никогда не доверял людям, он правил через шантаж и страх, помня о собственном предательстве по отношению к Главе города Мо. Видя сомнение Хуана, Бай пояснил:

— Если лорд узнает, что они у нас, он немедленно избавится и от них, и от свидетелей. Тебе это сделать проще — у меня нет столько людей, а мои действия под постоянным прицелом.

Хуан Цихэн пристально посмотрел на Бая:

— А признания?

— Не требуются, — Бай повернулся к пленным. — Сидите тихо и не высовывайтесь.

Те застыли в полном недоумении. Бай Чжоуи не стал их пытаться, не задал ни одного вопроса и при этом вызвался защитить их близких? Зачем?..

Взгляд Бая окончательно потеплел. Он посмотрел на Е Сяоцина и ребят:

— Спасибо вам. Без вас мы бы так быстро не справились.

Эти двое суток они почти не смыкали глаз, дежуря в доме, а для отвода глаз Е Сяоцину приходилось кружить по городу на той самой побитой машине Бая.

— Пустяки, капитан.

Ребята заметно приободрились. Ли Ао, для которого поимка людей была в новинку, уже вовсю сиял от гордости.

— Я возвращаюсь к Юйсяню, — сказал Бай. — Удачи.

Он еще раз скользнул взглядом по пленным и быстро ушел. Когда его шаги затихли, во дворе снова стало тихо. Ли Ао поскреб затылок и растерянно спросил Е Сяоцина:

— Гэ, а капитан... он ведь правда разозлился?

Е Сяоцин не ответил, в его памяти всплыло лицо Мо Юйсяня. Всё это было ради него?

Когда Бай вернулся в дом Цзоу, действие лекарства уже закончилось. Пламя погасло, судороги прекратились, но Юйсянь лежал без сознания. Старый мастер пытался привести его в чувство, но тщетно — обморок был слишком глубоким. Бай позвал его по имени, но, не получив ответа, отступил.

Лишь к закату Мо Юйсянь открыл глаза. Увидев за окном угасающее небо, он запаниковал и, не давая лекарям вставить ни слова, потребовал еще одну попытку. Мастер Цзоу уже начал собирать инструменты и теперь с сомнением посмотрел на Бая. Тот кивнул. Он знал: пока есть хоть призрачный шанс, Юйсянь не успокоится.

Препарат подействовал быстро, и вскоре Мо снова скорчился от боли. Когда пламя начало разрастаться, старик увел Бая подальше. Огонь бушевал десять минут и угас лишь тогда, когда последние лучи солнца скрылись за горизонтом. Вместе с пламенем угасла и последняя надежда Юйсяня.

Бай отвез мужа домой. Этим вечером Мо Юйсянь был пугающе тих. Опасаясь за состояние деда, Бай уговорил того лечь пораньше и сам отвел его в комнату. Вернувшись к Юйсяню, он сел на край кровати, глядя на его измученное лицо. Тот спал, хмурясь во сне. Бай осторожно коснулся его лба, пытаясь разглядеть морщинку между бровями.

Эту ночь Юйсянь проспал без единого движения. Наутро, когда Бай вернулся с завтраком, Мо

уже сидел в постели, низко опустив голову. Дедушка Гэ стоял рядом, не находя слов. Увидев Бая, старик лишь вздохнул и вышел.

Бай сел рядом с мужем на кровать:

— Всё еще плохо?

Юйсянь не пошевелился. Бай погладил его по голове — мягкие, спутанные волосы приятно холодили ладонь.

— Прости... — голос Юйсяня был едва слышным, глухим.

Рука Бая на мгновение замерла.

— Тебе не за что просить прощения.

Напротив, это ему стоило просить прощения за то, что подарил эту надежду, которая теперь рассыпалась в прах прямо перед его глазами. Видеть, как рушится мечта, — самое жестокое испытание.

От ласкового голоса Бая и тепла его руки в глазах Юйсяня поплыло. Он до боли сжал кулаки. Сунь Минлян никогда не простит Баю этого союза, он уничтожит его, а он, Юйсянь... он оказался бесполезен.

— Давай еще раз... — Юйсянь поднял на него глаза. В них плескалось такое отчаяние и упрямство, что у Бая защемило сердце. — Наверное, я просто плохо старался...

— Не надо плакать... — Бай хотел его утешить, но при слове «плакать» по щекам Юйсяня покатались крупные слезы.

Все заранее заготовленные слова утешения мгновенно вылетели у Бая из головы. Он никогда не видел Юйсяня таким беззащитным. Мо плакал беззвучно — он никогда не умел устраивать истерик. Бай пытался стереть слезы, но те лились нескончаемым потоком. В конце концов, он просто прижал мужа к себе.

Юйсянь вцепился в его рубашку, пытаясь сдержать рыдания, но слова всё равно вырывались вместе со всхлипами:

— Еще... один... раз...

Бай не знал, как его успокоить. Юйсянь был безутешен. Понимая, что иначе тот просто сгорит

от собственного горя, Бай тихо произнес:

— Хорошо. В самый последний раз.

— Угу... — Мо перестал бороться с собой и, уткнувшись в грудь Бая, безмолвно зарыдал.

Бай баюкал его, пока слезы не иссякли, а сам Юйсянь не начал задыхаться от истощения. Как только тот немного пришел в себя, Бай набрал номер лекаря. Старый Цзоу долго молчал в трубку, а затем лишь тяжело вздохнул:

— Вези. Один раз ничего не решит.

Бай поднялся, и Юйсянь тут же испуганно вскинул голову.

— Я принесу воды. Тебе нужно умыться и сделать компресс на глаза, — Бай помог ему привести себя в порядок. — Мастер согласен, он ждет нас. Негоже ехать в таком виде — подумают еще, что я тебя обижаю.

Юйсянь послушно прижал к глазам влажное полотенце. Понемногу приходя в себя, он осознал, что только что устроил, и его бледное лицо мгновенно залило краской стыда. Кончики ушей стали багровыми. За те десять лет, что прошли после трагедии, он почти не плакал, но с появлением Бая слезы будто прорвали плотину. «Он точно решит, что я плакса», — с горечью подумал он.

Спустя полчаса они были у мастера Цзоу. Мастер Цзоу смотрел на Юйсяня с нескрываемой жалостью.

— Простите, — Юйсянь опустил голову.

Старик хотел что-то сказать, но лишь махнул рукой и пошел готовить препарат. Юйсянь лег на кушетку. Когда мастер вернулся, Бай уступил ему место у изголовья.

— Последний раз, — строго напомнил лекарь. — Это снадобье не проходит бесследно, еще немного — и начнутся необратимые процессы.

— Я знаю.

Юйсянь глубоко вздохнул и закрыл глаза. Как только игла коснулась вены, Бай погладил его по голове:

— Я буду ждать снаружи.

Мо не ответил, лишь крепче сжал челюсти. Сознание поплыло, и он снова погрузился в тот кошмарный мир галлюцинаций.

Знакомые руины, лужи крови, яростное пламя и в самом центре — черное чудовище, крушащее всё на своем пути. На этот раз Мо Юйсянь не стал обращать на него внимания. Повинуясь интуиции, он обернулся вправо. Там, окутанный черным дымом, за ним наблюдал другой зверь. Его глаза горели багровым огнем, источая жажду крови.

Стоило Юйсяню сделать шаг, как зверь сорвался с места. Его ярость была почти осязаемой. Но на этот раз Юйсянь не дрогнул. Вместо того чтобы бежать, он бросился навстречу и в прыжке вцепился в густую шерсть на загривке монстра.

Черное пламя мгновенно перекинулось на его руки. Ледяная, пронзительная боль обожгла плоть; кожа лопалась, обнажая кости. Юйсянь не разжал рук. Пользуясь инерцией прыжка зверя, он закинул ноги и оседлал его шею. Огонь охватил всё его тело, казалось, сама душа начала плавиться в этом адском холоде.

В этой невыносимой агонии Юйсянь лишь крепче сжимал объятия. Что бы ни делал зверь — как бы ни прыгал, ни тряс головой — Мо не отпускал его.

Сунь Минлян уничтожит Бая. Бай столько сделал для него, он был так добр... Если в итоге его доброта станет причиной его гибели, то лучше Юйсяню умереть прямо здесь.

Удар! Зверь со всей силы врезался в стену здания, пытаясь раздавить наездника. В ушах Юйсяня что-то хрустнуло — ему показалось, что это сломался его позвоночник. На мгновение боль исчезла, сменившись пугающей пустотой в ногах, но руки продолжали держать. Он впился пальцами в плоть зверя, а когда пальцы перестали слушаться — вцепился зубами. Он отдал этой схватке все силы, что у него были.

— Р-р-р-а-а!

Зверь, не в силах сбросить человека, впал в неопределяемую ярость. Он раз за разом таранил руины, превращая всё вокруг в ровную площадку. Но Мо Юйсянь был непоколебим.

— Остановись... — пытался приказывать он, но его голос тонул в реве пламени.

Зверь был оглушен собственным гневом. Он снова бросился на стены, и Юйсянь почувствовал, как изо рта хлынула кровь. Сознание начало гаснуть. В этом тумане ему на миг почудился Бай Чжоуи. Тот бежал к нему сквозь обломки, пытаясь спасти...

«Уходи! Не подходи ко мне, ты погибнешь!»

Зверь тоже заметил воображаемую цель и припал к земле для броска. Мо Юйсянь в ужасе

распахнул глаза. Из последних сил он обхватил шею монстра обрубками рук:

— Стой!

Впереди, на пути зверя, стоял Бай. Он смотрел на Юйсяня и улыбался.

— Стой!

Бай что-то говорил, но из-за грохота ничего не было слышно.

— Стой, я сказал!

Юйсянь не слышал, но видел по губам. Бай говорил: «Прощай».

— Остановись немедленно!

Черное пламя, способное испепелить саму реальность, вырвалось наружу, поглощая весь этот иллюзорный мир. Город, руины, тени прошлого — всё исчезло в море огня.

В этот момент в сознание зверя хлынул поток чужих чувств — невыносимая, обжигающая тоска и нежность. Эта эмоция была такой сильной, что зверь замер, заполняясь ею до краев. В этом мареве ему явился образ человека с удивительно добрыми глазами. Когда этот человек улыбался, вся ярость зверя таяла без следа.

Человек позвал: «Юйсянь».

Мо Юйсянь очнулся, словно выброшенная на берег рыба. Он жадно хватал ртом воздух, но каждый вдох отзывался в легких невыносимой резью.

— Кха... кха...

***

Напротив лечебного покоя Бай Чжоуи и мастер Цзоу в тревоге следили за пациентом. Действие препарата подходило к концу, и они уже собирались войти, как вдруг пламя, угасшее было несколько минут назад, вспыхнуло с новой, неистовой силой. Бай среагировал мгновенно, оттаскивая старика назад.

Едва они успели занять безопасную позицию, как Мо Юйсянь содрогнулся в приступе кашля и открыл глаза. Прежде чем лекари успели подойти к нему, он снова потерял сознание.

В ту же секунду посреди комнаты возник угольно-черный силуэт.

Это был детеныш Циляня размером не выше колена взрослого человека. Упитанный малыш, объятый черным пламенем, тяжело дышал, и при каждом его выдохе из ноздрей вылетали искры. Он был вне себя от ярости. Заметив вбежавших в комнату Бая и мастера, кроха оскалила зубы и бросилась в атаку.

Мужчины замерли как вкопанные. Малыш, мельком глянув на Бая, целеустремленно рванул к мастеру Цзоу. Не успел старик и глазом моргнуть, как маленькая, но зубастая пасть оказалась у самой его щиколотки. Пламя Циляня пожирало всё на своем пути; даже укус такого крохи грозил превратиться в обугленную рану.

Мастер Цзоу, сверкнув глазами, бросился наутек:

— Да за что ты меня преследуешь?! Кусай его, он же твой хозяин!

— Ав! — Маленький зверь и не думал трогать Бая, продолжая с азартом охотиться за пятками старого лекаря.

<http://bllate.org/book/16108/1587029>